

Федор Кудрешов

Жизнь Ткачева (1850)

(81) Отделение III.

В сим третьем и последнем отделении решилси я поместить Историю, преждебывшего Ладского крестьянина Ткачова, которой по воли господина продан на звозъ Г:¹ Вавиловой, Псковской губернии, Великолуцкого уезда, в деревню Свинкину, а проживает за старостию в Ладе.

Жизнь Ткачова.

Муж сей Степан Ткачов родился в селе Ладе, от роду ему топерь около ста лет, и еще жив сый, родители его были Ефим и Авдотья дети Ткачовы.

Однажды он проходя мимо моего дому, и я увидел, позвал его к себе, || (82) посадил в стул, поднес рюмку водки, спросил его из любопытства как землепроходца, где он был, и что видел. Ткачев почел мое предложение за удовольствие, где бы не препроводить скучное время; начел мне рассказывать так:

“Вот Л:² Федор Иванович, послучай мою историю, где я был и что видел. С 25 лет начал я ходить для продовольствия своего сырпачить³, с началу в Самару, а потом в Уральск и Астрахань, напоследок был под снеговыми Костецкой и Живяйской горами, которые собою так велики, что невидно от густоты облаков, дымящихся вверху гор, конца высоты их, где между гор и протекает великая речка Маность, там и живут черкесы и разнаго || (83) роду островитяны.

Живучи я в Астрахани у хозяина из татар Аббай Пашан, которой нередко производил мину⁴ товаров с перситскими купцами в портовом городе Дербенте. Однажды вздумалось ему отправиться прямо из Астрахани по Каспийскому морю в Персию в грузных суднах с разными мелочными товарами, и отправились. С началу ветер был благополучный, а наконец вдруг сделалась необыкновенная буря, так что страшно потрясало наши судна, и от ужаснаго волнения сего начели грязнуть, каждый искал себе спасения, и

¹ Госпоже.

² Любезный.

³ «Сырпачить – ловить рыбу сырпом, сетью в виде мешка» (СРНГ 2010: 168).

⁴ Мену.

кричали, – одни: “Господи спаси нас”, а другия: “о Алла! утоли гнев твой и помилуй нас”, но буря и волнение более умножились, все || (84) уже обробели, и отдались во власть провидению. Таким образом происходило с нами не менее 4х суток, и на конец очутились близь величайшей горы, высоту коей и крутизну описать не можно. Судно наше стало, и мы увидели ясный день и тишину – благодарили Всевышняго за спасение, потом начели разсматривать место положение, куда нас прибило, и не могли дознать, где находимся и какая гора, и к какому владению оный берег принадлежит. Видим, что вверху горы, и по сторонам утесистый и обвальчестый разнаго роду лес.

Хозяин мой вздумал выдтить из судна на берег, взял с собою из татар Алтай Тимкина, а || (85) из русских Марамошку⁵ и Терешку да меня Ткачова, а прочии остались в суднах с приказанием от хозяина Лосману⁶ с Кашеваром, чтобы покудова он прогулеваться будет, был бы изготовлен для него обед. Итак мы вышли на берег, продолжал Ткачов, разсматривали весьма с приятностию как крутизну и величю горы, так и причудныя долины, находящееся по оной с кустарниками и цветами, которыя как Ароматизм издовали из себя к нашему обонянию удивительное благоухание, одним словом сказать, все расположено и устроено в самом приятном виде, будто нарочно для какого либо знатного Вельможи. ||

(86) Разсматривая мы это все с приятностию, решились по этой долине идтть далее и пройдя несколько, увидели извиваемую туда и суда тропу, при сем мы остновились, разсматривали и удивлялись – куда такая тропка следует, говорили мы между собою.

Поговорили несколько и пошли по оной, и она так извивалась круг кустарников, на подобие ползущии змии; и как не более четверть часа шли, увидели преграду тропы, лежащий огромный величины дикой камень, испещренной погоже⁷ на мрамор, на нем были письмина изображенныя почеркески, но как хозяин наш послушаю нередкаго периезда чрез черкески аулы || (87) в другия места, а иногда производил и мену товаров с ними, несколько знал ясак и письмины черкески – рассмотрел и вскрикнул: “о, Алла! что я вижу!” – покачал несколько головою, начал читать нам вслух: “Беги, беги, о смертный, скорей от сего места! здесь горесть, печаль, тос-

⁵ Парамошку.

⁶ Лоцману.

⁷ Похоже.

ка и уныние, мучусь, рвусь, стенаю без всякой отрады”.

Мы ужаснулись, – но хозяин наш не слишком был робок, приказал и нам ничего не бояться, да при том же была с нами на случай и оборона, у хозяина 2 пистолета и кинжал, а у нас по кинжалу и по одному пистолету. Не смотря на угрозы письмен, продолжали путь свой, минуя камня по этой тропке || (88) далее, однако ощущали в сердцах наших что-то страшное. Тропка эта извивами своими показывала путь в глубокую долину; мы прошли, прошли и другую, это было около семи часов утра, в самый жаркий день весенний – в друг в одной стороне был слышан страшный шорох и незнакомый голос произносит слова: “Удались, удались, о смертный – не приближайся сюда”. От сего нечаянного звука мы было совершенно обробели, есть ли бы не услышали с другой стороны приветствующий голос, голос самый нежный: “Не устрашайтесь призраков, они как мечта от вас бегут, вы же продолжайте путь и неостонавливайтесь, вы дойдете до желаемого места и получите упокой”. Этот странный голос нас весьма удивил, потому с || (89) одной стороны устаршают, а с другой дружески приветствуют, так что от ужастии просили хозяина воротиться назад, а хозяин сказал: “Мы уже заблудились по водам, а горы и долины без страху пройдем”. И так решились далее следовать, пришли в долину удивительной красоты, кругом коей сделан был на подобие великой речки конал, в который вподал с крутизн гор из текаемый быстрой как кристалл ключ. Долина эта казалась довольна пространна с плодовитами разнаго роду деревьями и разделена на разныя и наземныя клумбы и аллеи с преудивительными красы цветами, которыи такое издвали благоухание, что всяк бы || (90) подумал, что он находится не на этом свете, а в Едеме, или Елисейских полях, дому же совершенно ни какого было не видно, и человека тож.

С удивлением начели мы разсматривать далее и⁸ то приходили от недоумения как очерованные вне себя, то въображали и щитали такую не постижимость себе за неспослание с небес, за много трудное терпение наше по водам, как Пророк Иона будучи после тридневнаго страдания выброшен из утробы Великаго Кита на берег Иопийских стран уму непостижимых красот.

Наконец || (91) усмотрели по сторонам долин, в довольном количестве построенныя из дикаго камня с рисовкою фигур, необыкно-

⁸ “От сели я пишу, мне кажется не согласно истинне, а Ткачов вмешал изменение, раскрашая свою повесть” (прим. Ф.И. Кудрешова).

венной величины башни, на каждой из них стояли литыя из фарфору и фаянсу статуи разного роду. Именно смотря по надписи при каждой:

1й Гений добрый дух, которой помогает и хранит человека,

2й Гидра или главный змий,

3й Фурия Адская Богиня, служительница Плутону и жестокая мстительница за беззаконие,

4й Домовой, которой охраняет дома,

5й Леший високаго росту, тальистай, с козлиной бородой и козьими рогами, которой только ходит по лесам,

бя Ягая Баба, страшная и сухощавая, с костяными ногами, держащая в руке железную палицу, которой понуждая катится железный ступи, в коей она разъезжает || (92) и прочих изображений довольно, о которых я настоятельно рассказать не припомню⁹.

Посреди этой долины увидели мы привеличайший и неописанной красоты сделанный из беловиднаго мрамора на монер перситскаго Архитекстурства дом, по обеим сторонам этаго дому поделаны пруды, в коих вода так чиста, что можно видеть во глубине оной рыбу разного роду. Среди ж самых прудов поделаны с высокими ступенями беседки, на них изъоброжены фигуры с распростертыми крилами, с длинными волосами, вьющимися по плечам, сами ж с улыбкою, и держут в руках своих каждый, лук с ветивою въверх, и низпускающия || (93) разноцветныя венки к отраде приходящих. В верху ж самаго дому видин был превеличайший статуй бог Родигаст в правой руке держат огненную секиру, а в левой молнею испускающую искры, предъ грудью щит с изъоброжением воловой головы, а на шлеми изъоброжен петух с распростертыми крилами. Коль скоро подошли мы близ дому вдруг увидели отверстыя врата, между коих явилась великолепная гробница, да и токая, которой мы не видовали от роду своего, четвероугольное возвышенное место, высечено из чернаго светящагося мрамора, имело оно по шести ступеней со всех сторон к верху, на котором стояли четыре столба по углам, из белаго || (94) и чистаго мрамора, убитыя¹⁰ по блекшими кипарисными листьями, на них утверждена была по крышка чистаго серебра; на которой видны были черныя местами полосы на подобие тесьмы: на оной изъоброжено летящие время, в

⁹ Ср. мифологические примечания М.Д. Чулкова в V части *Пересмешника* (Чулков 1789: 128–131).

¹⁰ Увитые.

правой руке имело оно косу, в левой песошные часы, а за плечами распростертыя большия крылья; стояло оно одной ногой на большом шаре, и от колебания ветров находилось всегда в движении, по краям крышки сидели печальныя купидоны облокотясь на ихсохшия кипарисныя ветви, венки на них были из листьев сего же дерева, а тела прикрыты были несколько фланелью черною. В середине столбов стоял каменный гроб, или || (95) высеченная из камня гробница, на которой было изображено печальное приключение и плачущие Гении. В головах гроба поставлена была плачущия статуя, которая наклонясь ко гробу казалось, как будто бы каждую минуту оплакивала коньчину лежащего в оном человека. В ногах стоял чудный и страшный скелет, или обыкновенно такой, которым изображают смерть, на голове у него был железный черный шлем; в правой руке обноженной и окровавленной меч, а другою волочил за собою косу. По двум сторонам гробницы стояли по два дерева кипарисных не так высокия, ветви и листья имели опущенныя вниз, и казалось, что покрыты были все слезами так, || (96) как утренней росюю.

Гробница эта везина была четырьмя небольшого росту мсками¹¹ прикрытыя трауром, и наклонныя их головы, предовали каждому взору глубокую печаль¹². В шествии на место погребения, несен был во первых домашний кумир Чернобогов, двумя жрецами в черном одеянии, прикрытыя черном флером, за ними два боярина в таковом же черном одеянии несли подушку, на которой лежали разного роду ордена, потом два воина в кольчугах и шлемах вели оседланного коня под черною сетью, влекущеюся за ним лакоть на пять; затем следовал великорослый человек облаченный в железныя латы, по сем два боярина в ратных одеждах, несли || (97) стольную кольчугу, другие два, серебрянный шлем и еще двое несли лук и стрелы, меч, гривну золотую и пояс осыпанный комьями, за ними один путешествовал с копьем. За всеми этими следовали двадцать четыре воина, державшия под мысками копья оброщенныя острием в землю, потом жрецы, поющии надгробныя стихи в черных долгих одеяниях, у которых выше лохтя перевязаны были руки белым флером.

Близ самого гробу предшествовал Первосвященник в белом одея-

¹¹ Меск – мул, лошак.

¹² Если предшествующие абзацы представляли собой свободную компиляцию ряда образов романа Чулкова, то следующий фрагмент последовательно воспроизводит описание похорон Датиной в V части *Пересмешника* (Чулков 1789: 128–131).

нии и в венце сделанном из ветвей кипарисных, по сторонам его шли два жреца имевшие в руках с жаром урны, из коих благоухания по всюду разносимо было. Сверх всего надгробнаго церемоняла, народу шло много множество, между коих шел || (98) с поддержкою с обеих сторон старец украшенный седиными, которой безутешно плакал по умершим. На конец гроб везенный мсками в перекастистой с развалинами долине остановилси. Первосвященник с жрецами по обряду своему мертвое тело предали земле, закопали и поставили над могилою преудивительный редкости памятник, изображения коего я уже никак раскозать неприпомню. Вокруг памятника в небольшом разстоянии были поставлены прежде изготовленные столы, покрытые белами столешниками, увешенныя из цветов навесками, и обремененныя различною пищею; подли которых в различных местех стояли огромныя посуды наполненные пива и меду. Поданному знаку упомянутого старца, украшенного || (99) седиными и Первосвященника, все находящиеся тут за столы поместились, насытились всякой по мере и желанию своему, учинив сию тризну, потом всякой отправились по своим местам.

В это время мы стояли не далеко от похорон и старец украшенный седиными с Первосвященником и некоторыми боярыми возвращался с тризны в дом, увидив нас под деревом стоящих, остановилси, подкликал к себе, спросил, кто мы таковы и каким образом очутились вне обитаемой стране; мы отвечали, что жители России и ехали в Персию по водам нечаяно от бурнаго ветру заблудились, и очутились здесь – он услышал от нас, что мы россияне, переменил образ печали, сделалси || (100) очень весел и бысть рад нам.

Не говоря более с нами приказал тот час же следовать за ним в Палаты; в которых и приняты были им самим и фамилиею его с вежливостию очень ласково. Удалив всех прочих от себе, кроме своих семейных, посадил нас в стулья, и сам сел, потом воскликнул и сказал: “Ах, Боже мой!” потом несколько помолчав, кивая головою, и вдруг со слезами произносит слова: “Коль возлюбленне селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни. Сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозе живе. Ибо птица обрете себе храмину, и горлица гнездо себе, идеже положит птенцы своя, Олтари твоя Господи || (101) сил, Царю мой и Боже мой! Блаженни живуции в дому твоём: в веки веков восхвалят тя. Блажен муж, ему же есть заступление его у тебе; восхождение в сердце своем положи. В юдоль плачевную, в место еже поло-

жи ибо благословение даст законополагаяй. Пойдут от силы в силу, явится Бог Богов в Сионе. Господи Боже сил, услыши молитву мою, внуши Боже Иаковль. Защитниче наш виждь Боже, и призре на лице Христа твоего. Яко лучше день един во дворех Твоих паче тысящ изволих приметатися в дому Бога моего, паче, неже жити ми в селениих грешничих. Яко милость и истину любит Господь Бог, благодать и силу даст: Господь не лишит благих, ходящих незлобием. Господи Боже сил, блажен человек уповай на Тя”. Псал.83; и по окончании этаго || (102) Псалма опять воскликнул “О, ты Небесная Муза, вдохнувшая певца Россов, тебе приятны стройныя мысли, важныя высокия размышления, твоей умоляю помощи. Научи меня на гусях Довыдовых песнях, кои от меня ныне должны услышатся. Покати из очей моих хотя одну слезу Иеремия, льющаго оных токи о Сионских нещастиях”. Потом пел “Живый в помощи”, и прочии псалмы. Мы сидели и слушали с совершенным вниманием будто будучи восторрге, так что нас ужасало и мы находились едва не вне себя.

Старец обращаясь к нам, сказал: “Друзья мои, со отечественники мои, как я вам рад, вас || (103) сам Бог привел ко мне, – вот жена моя, вот дети мои”, – показывает на них рукою, которыи стояли близ нас, понизя главы свои долу. “Я вам расскажу кто я таков; почему здесь нахожусь”, и начал рассказывать так¹³:

“Вот друзья мои, я с вами едино земец, Костромской губернии, Города Ветлуги, села Выпутскаго, дереневи Вашкирь, казенный крестьянин, зовут меня Сысой Полуэхтович Дураносов, пахарь, земледелец, воспитан хлебом и водою; был повит прежде пелинами, тонкостию и мяхкостию не уступали ценовки. До десятилетняго моего возраста ходил || (104) босяком и раздевши без кофтана, перетерпевал летом несносный жар, а зимой нестерпимою стужу, слепни, комары, пчелы и осы во время жаров вместе жару предовали опухали. До двадцатипяти лет, лучшие убранство мое было против прежднаго лапти и серый кофтан; и в поте лица своего употреблял первобытную мне пищу хлеб и воду, хотел жинится, но за беднякам, никто невесты не довал. Съедуги мужики за бедность мою отдали меня в солдаты, и я отправлен был вместе с прочими в Армию, за границу, там я обучилси ортекулу, и служил своему Батюшки Государю Петру Первому целых пятнадцать лет без пороч-

¹³ Вставная “автобиография” Сысой Дураносова адаптирует сюжет новеллы Чулкова *Горькая участь* (Чулков 1789: 188–201).

но; был три раза на изъ разных приступах, где и получил || (105) себе в правой бок неизличимую рану. За неспособностию службы дали мне чистую отставку, откудово я и возвратился в свою отчизну.

Пришел в зимние время, в самый день Рождества Христова, во время заутрине не входя в дом отца моего; решилси прежде с прочими въ зайтить в церковь помолиться Богу. По отходе заутрени, пошел я в дом свои, начел стучаться под окнами и в ворота, ни мог никого вызвать ктобы отпер, – пошел к старосте, пригласил его, и с ним некоторых крестьян, розломали ворота; взошли на двор с зожженою лучиною, увидили следующие: Пред крыльцом весел зарезанный баран, возле его лежал окровавленный нож, а под сараем, прицепленный веревкою к перекладу удавленный || (106) весел мой отец, взошли мы в избу, в которой были разбросаны немного обгорелыя дрова, посреди полу лежала мать моя, голова у ней была прорублена, видно что топором, потому он лежал возле ея окровавлен, в колыбели зазановесою зарезанная по горлу месяца семи девочка, в печи нашли мальчика четырех лет мертваго волосы на голове все сгоревшие, местами от жару и тело было истрескано, и эти были малютки брат и сестра мне. Видя отца моего и мать, брата и сестру пред собою мертвыми, пришел в сожаление, начел плакать, равно и родныя мои, особенно женской пол, начели плакать по деревенски голосом; на этот шум и плач || (107) сбежались старыя и малыя едва не вся деревня.

Случай не токмо деревенским, но многим и городским жителем непонятный, начели крестьяне и крестьянки толковать различным образом сельским умом и деревенскими размышлениями без правил, свободными наукам установленных: один говорил, что сделали то разбойники, другой судил, что разсердилси домовою, и так поступил с ними как должно неприязненной силе, а некоторыя умныя разсуждали так: что четырехлетний младенец, находясь в крепком сне, и встревожен будучи сонным провидением, встал со своего места, взял нож, с которым нередко у баловницъ матерей и отцов ребята играя ими засыпают, и согласно с || (108) сонным провидением зерезал младенца свою сестру в колыбели; апомнившись и узнал, что сделал худо, спряталси в печь. Хозяин и хозяйка проснувшись ранее обыкновенного для праздника, чтобы заранее убравшись в доме поспешить в церкву, хозяин пошел освежевать барана, а хозяйка принелась топить печь, не осмотрив своих детей спящих, поклав дрова затопила. Несмышленный мальчик не смел

печи поворохнуться от страха, но как огонь уже усилился, и жар несносный до него коснулся, тогда он за кричал. Хозяйка, бросаясь к постели его не увидела, то и уразумела, что он в печи: закричала || (109) мужу, а сама начала хватать дрова из печи и метать их по полу, мальчик тем временем задохнулся, а хозяин вбежал с тупаром¹⁴, которой он может заготовил к разнятию барана.

Услыша и увидя, что жена его сожгла сына, будучи в страхе и запальчивости, ударил безрассудно и неосторожно жену свою в голову, от чего и лишилась она жизни. Хозяин пришедъ в жалость видя двух мертвых пред собою, а заглянул в колыбель нашел и третьяго. Отчаяние поразило его, сверх сего обуял страх, и стыд, и совесть, лишила его разсудка и он удавился.

Сколько не разсуждали умныя и глупыя, но уже потеря невозвратна, и помочь было невозможно. || (110) Староста и соцкой с согласия старшин написали о сем в город рапорт, по коему произвели следствие, виновных не нашли, предали мертвых земле.

Я же видя такое пагубное произшествие, и невозвратную потерю, сделал по умершим шестинедельное повинование¹⁵, распродав кое что в доме решилси оставить свое отечество, или можно сказать свою родину, сел с одним мореходцем в лехкое грузовое судно отправилси вверх по Волги, прибыв в Камышинку. Превозщик мой, накупив годнаго для него товару возвратилси обратно, а я осталси тут у одного крестьянина в найм караулить арбузы. Отжив время, получил цену, и не захотел более || (111) быть тут, ушел в Царицын, а оттуда в степь по Уралу, в село Никольское, Волынково тож. И как жители тут были козаки, называемые гребенскими, они не из последних воинов, и доброй души люди. Продовольствие их рыбная ловля. Живучи я там у одного козака в работниках, с которым нередко занимались рыбною ловлею по реке Ембе, вытекающей из южной стороны Уральских гор, она и составляет границу со стороны Киргизской степи.

Прожив у него довольно времени, довольствуясь, как наградою за труды, так и хорошею пищею, в полном количестве.

Однажды во время осени, хозяин мой Иван Евстефьев Голубкин средилси на рыбную ловлю на реке || (112) Ембе, взял меня с собою да прочих рабочих 14 человек; куда мы и отправились на целый месяц полной провизию. Приехав на место расположились как сле-

¹⁴ Топором.

¹⁵ Поминование.

дует. Ловля была благополучная, так что в одну неделю наловили множество рыбы, сколько иногда в целый месяц не налавливали: рыба ж более красная под названием Емба. На другой день второй недели как мы прибыли на ловлю, около заката золнца, отпраивлись мы вдаль по этой речке Ембе, для ловли рыбы верст на семь от своего стана. Не успели еще закинуть наши сети, вдруг появились впереди нас неизвестное число в лехких лодках разбойников, которые и видны были из самых лютых киригизцев, приближались || (113) к нам, и видив что при нас никакой неимеется обороны, вскочили в лодки наши, перевезали нас, переехали к своему берегу, посажали на верховых лошадей, и отправились не известно и Бог знает куда.

С начала мы от страху всячески кричали, потом начали этих без-Божных варваров убеждать прозьями о совобождении себе; но нет тщетно! их суровость, их жестокость, их коловратная жизнь неумолима, наши крики, наши стоны с тяжкими вдохами им совершенно невнятны. Видив такое нечаянное и странное приключение случившиеся с нами, отдались на волю провидению. И ехавши мы с сими варварами всю ночь, и очутились назаре при их кочевых кибитках в такой || (114) не проходимой трещобе, и сказать не можно. По прибытии слезли мы с лошадей, и нам развезали руки, ввели в полатки, посажали на землю устланную травой, начали нас подчивать кобыльим молоком и каким то не доворенным мясом, чего душа наша от непривычки терпеть не могла – подали черного хлеба, и часть лесных ягод, к чему мы совершенно не косались и сказали, что есть ни хотим. И во время этаго дня; киргизы с женами и детьми собрались к нашей полатки в которой мы находились, радуясь добычи, пили допьяна и веселились, а мы без престанно плакали.

Ночь наступила, киргизцы || (115) начали переговаривать между собою; наконец сделали в нас разделение, прочих моих оставили в этой же самой кибитке, а меня перевели в другую. Предчувством себе навечно разлуку, мучелси, рвалси, кричал всячески, даже делал в отчаяние себе ударение. Не мало мешкав дали мне с одноземцами моими и проститься, посадили меня на оседланную черкезскую лошадь, и трое, киргизцев, имевших при себе оборону, сели на таковых же лошадей, отправились со мною в несчастную сторону; товарищи мои остались, – куда их девали, и где теперь находятся, в щастии или в несчастии и досели не знаю.

|| (116) Мы же ехали целых две недели, не давая себе покою день и

ночь по ужасным горам и дебрям, на последок прибыли к берегу Каспийского моря, к портовому месту, где проводится торг и мена товаров, из Астрахани, Баку, Дербента и Кубы с Персидскими областями. Сюда приходит из Персии до 150 больших купеческих судов, равно же число таковых судов отходят и из России. Привозят же товары суть из Персии: сырочинское пшено, сухия ягоды, мягкая рухлядь, хлопчатая бумага, шелковые и шерстяные материя. А из России: пшеничная и аржаная мука, коровье масло, часть хлебного вина и водки, жилеза, || (117) пищащая бумага, на бойка и пестредь, зеркала, межурные товары, железная и медная посуда, выделанные кожи, скатерти и солфетки.

В это время как мы прибыли, была темная ночь, остановились на известной уже им квартире. Только что расположились в определенной комнате, тот час взашел к нам неизвестный мне человек, посмотрел на меня, и спросил, здоров ли я, – я ему сказал, что здоров. Более не говорил ко мне не слово, обратился к моим хищникам, поговорил с ними не сколько, иностранно, чего я не понимал, и дав им какую-то часть денег, и наконец ушел. Спустя несколько времени, мои спутники начели собираться, взяли меня и отвели || (118) к биржи, где уже стояло на ходу большое судно. Тут я моими хищниками здан был из рук в руки неизвестным людям, и я узнал, что отхожу в дальние страны без возвратно. Новый хозяин мой, или попушчик мой, ввел меня в свою каюту, где седела призадумавши и горько плакала девушка около 22 лет, от которой при разговоре узнал я, что она подвержена такой же участи, как и я, Россиянка из крестьян Камчатской области, будучи во время праздника на гулянии в лесу заблудилась и нечаяно впала в руки разбойников, от которых перепродана одному со мной хозяину. || (119) Я рад был, что видя пред собою съотечественницу, подругу в разделении скуки и равных представляемых в таком бедственном положении предметах; рад был единственно тому, что Бог послал единоеземку верующую во Христа Спасителя, – Она честна пред Господом, и верная раба в послугах своих, она как Ангел улыбающийся в приютах доброделующим. Лице ее несколько смугловатое, смешиваясь с природным румянцем, как пылкость предовало чрез лучезарность солнце проникшие в окно каюти, удивительную красоту; волосы лежали у ней по плечам, смешенные || (120) с разноцветными лентами, извиваемые подобно бушистым¹⁶ волнам, брови и

¹⁶ Пушистым.

глаза, черные, взоры умильные, и улыбка Ангельская, порожали каждого видящего ее, пленительностию; платья на ней было из разноцветного тканья, такая же и осанка с похоткою предовали какую-то величественность.

Мы тут друг друга полюбили, не вдоваясь погрешности, и обещались один другому во всяком случаи помогать; а между тем отдались вовласть Провидению. Судно на котором мы находились, от берегов места портового на другой день, около второго часу пополудни || (121) отъ грянуло, и пошло в ход по Каспийскому морю, и слышно было вверху онаго от сильного ветра игранье парусов. Тогда я пришел в изступление, и с восторгом сказал: “Господи, что есть твое величие! Все созданное тобою, заключено в пределы времени; время же представляющееся смертным яко безкрайное моря, есть одна не постижимая окияна Твоя вечности. Господи тебе вручаю останки моей жизни, тебе предаю всего себе, вовласть твоего Провидения. Буди Господи воля твоя на нас, якоже уповахом на Тя; не прогневайся на нас; ниже || (122) помяни беззакония наше, Ты бо еси Бог наш, и мы люди Твоя, не остави нас недостойных, в бедах и напастях, отжени от нас всякаго врага и супостата. Тебе убо просим помози рабом Твоим, их же честною кровия и скупил еси, во вся дни благословим Тебе и восхвалим имя Твое во век и во век века. Сподоби Господи сохранитися нам без хреха, умили нашу жизнь, и водвори в селении Твоихъ праведных”.

Спустя несколько времени ветер благополучный переменилси, черные и густые тучи, бурные ветры, сильный дождь, и страшные громовые удары угрожали нас бедствием. || (123) Вдруг слышам на палубях нашего судна ужасные крики: “Погибаем! Погибаем!” Мы же сидя в каюте, предчувствовали какую-то отраду. Руль судна, и стояк парусный сломились, даже начало отдерать от онаго некоторыя доски, и людей довольно потонуле. Хозяин наш видит что настала совершенная пагуба, входит к нам в каюту – говорит: “Спасайтесь, мы погибаем, спасите и меня, если же можете. Вот вам полная моя свобода”. Я взял некоторыя вещи, взял с собою и любимый предмет мой, или можно сказать залог души моей, дор¹⁷ любви неоцененный Евпраксию, так звали находящеюся со мною пленницу. Взял ее за руки || (124) и сказал: “Иди за мною, отдадимся в жертву волнам”. Тот час же сели в легкую лодку, называемую причалочную, посадили с собою и хозяина и пустились по морю. И

¹⁷ Дар.

мы по той неизмеримой пучине в совершенном отчаянии, носились по волнам около 2 суток, – и Бог знает как уже спаслись, и нечаянно очутились на сухой равнине песчаного места, и увидели на востоце багряную зорю, которая предвещала живущим на земле восходом солнца украшаемым природу своим лучезарным светом. Видив вдали горы и леса, поля и нивы, и всяк цвет травный украшенный природою, воздели || (125) руце на небо благодарили Господа. Хозяин наш, которой вместе с нами спазен – от сожаления суднокрушения и всех его потерь сделалси болен, так что чрез несколько часов помер; котораго мы тут же и предали земле. Он был Персиянин, весьма их богатых; богатство его состояло более перепродаже пленных.

Не успели еще мы окончить благодарение Господу, и оплакать прах хозяина нашего; вдруг являются пред нами три человека страннаго виду, половинное тело к ним опоясано было звериной рухлядью, а последнее все нагое, на главах шапки в роди || (126) шишаков; из них каждый имел в руках лук с витивою, а за плечами колчан со стрелами. Подходят к нам в близь, не делая вреда и обиды, показывают путь, чтобы мы следовали за ними. Ясак с которым они к нам оброщались говорит, мы не понимали, а между тем решились следовать, и на конец представлены были чрез местное начальство в это самое место, где теперь меня видите, и Главному Начальнику, котораго я сего дня похоронил и сделал поминовение по их обряду. Когда нас с сим Любезным для меня предметом, – указывая на супругу свою, – привели к нему, он весьма рад был, так что || (127) в полне наградил ловцов, а нас водворил к себе ведети, и дал полную власть входить в права их, из ключая древних их обрядов, веровать в Боги и Богини, сделанных руками мудрецов, из оброжения коих может быть вы и видели.

Начальник наш был добрый души человек, считав нас с сей прельстной Евгою¹⁸ по своему обряду законным браком; в чем уже и не противились, церемония была весьма великолепная, которую вам обстоятельно топерь никак ни могу. По окончании всего Главный Начальник или нареченный быть отцом и покро || (128) вителем нашим, приказал как местному Начальству, так и всему Подвластному его народу учинить мне как наследнику Престола во всем законную присягу, чтобы быть в совершенном повиновении и по-

¹⁸ “Евпраксия единственная была красавица, да и Дураносов неизъпоследнихъ былъ молодець” (прим. Ф.И. Кудрешова).

слушании, что без всякого противления и сделали, – которыми я и до сели распоряжаюсь как вторый Царь во Игипте.

Сдесь народ называемые горскийи островитяны; хоша не от просвещения и не знают истиннаго Бога, но между тем человеколюбивой и кроткой жизни.

Думую, что знаю по мало и сдесь лучь сияющий истинною, от Престола Горняго проникнет в сердца заблудших. Я уже || (129) сам стар и не в силах в проповедовании Евангилия срожатся с ними; – а вот сын мой котораго я в тайне учил веровать в Спасителя Господа нашего Исуса Христа, и в полне надеюсь научит народ истинне, может вместо капища соделать храм Царя Славы, вместо Идулов, водрузит крест немерцающий во свете своем, вместо поганых игрищев может уставить благоговение”.

По окончании этих разговоров пригласили нас к столу, где и поставлены были разного роду кушенья, и довольно виноградных вин; мы напились и наелись, так что в пору нам и песни петь. От благодарив за все это, потом || (130) хозяин наш начел спрашивать, можно ли отсели достигнуть Персии, или кокаго либо знатнаго россиянам города. Или можно ли будет возвратиться обратно в Россию – да притом же спросил о приграде камня с надписью лежащего на тробки¹⁹ и о двух голосах произносимых в путишестивии по долинам: один голос предупреждал входом, а другой приглашал, чтобы мы без боязни шли вдаль. На что старичок отвечал ему так: “Эта преграда на тробки с надписью положона невидимкою, что значит страшилищем верующих в истинного Бога, или можно сказать бесом неновисти || (131) добрых дел, который и предупреждал вам вход со свистом своего голоса, а тот голос, которой вас приведствовал, чтобы вы без боязни шли в глубокою долину, это был Ангел Хранитель души моей и всего моего втайне верующего в Господа Исуса Христа семейства.

В Персию ж или в Россию я вам покажу путь, куда и дам провожатого. Я же сам и семейство останемся здесь препровождать жизнь свою. Мне уже теперь от роду около 100, а супруге моей 90 лет, и я имею детей, внуков и правнуков, всего в количестве обоого пола 25 душ”.

В таких разговорах препровождали || (132) мы веселое время тут целых 7м дней, наконец довольно недели нас съестнымъ припасом и каждаго из рухляди подарками, дав провожатого до Перситской

¹⁹ Тропке.

области, оплавав свою родину, препровождаю нас совсем семейством и некоторыми приближенными до самого входу грузовых судов наших. Распростились и пустились по водам Следъбецкого залива, а потом прибыли в Персию, где сделал мину товаров. Побыв же колько времени и видив, – там довольно разных редкостей; возвратились обратно в свое отечество || (133) совершенно благополучными. Возблагодарив Господа, получив с хозяина каждый в двойне плату, разошлись всякой в свою родину.

Materials and Discussions